

«Отец учил меня чести, гордости и оптимизму»

Новые известия. 1999. — 17 марта. — с. 7

— Как пройдут торжества в России, посвященные 100-летию юбилею Владимира Владимировича Набокова?

— Я еду в Петербург 9 апреля, чтобы 10-го (по старому стилю. — Ю.К.) праздновать юбилей в Мариинском театре, в нашем городском доме на Большой Морской, а также в деревне Рождествено, где, кажется, уже закончена перестройка дома, который папа унаследовал накануне революции. Мне его очень благородно предложили, чтобы, может быть, дать мне маленькую награду за все «пиратство» с папиными книгами. Я намерен устроить в нем набоковский центр искусства и культуры. Там у меня будет маленькая квартира... Существует еще имение Выра, главная семейная дача, где мой отец и его родители проводили лето. От него ничего не осталось, кроме фундамента и подвала. Мы намерены и его восстановить.

— Есть еще и Музей Набокова в доме на Большой Морской...

— Музей уже давно открыт под началом Вадима Старка, директора русского набоковского фонда. Он занимает целый этаж и располагает хорошим подбором документов. Кое-что из материалов дал я, многое нашли в России, в том числе папино пенсне, которое он недолго носил, скорее в шутку. В доме сохранилась комната, где папа родился. В нем был и один из первых гаражей в Петербурге, где стояли автомобили моего деда. На одном из них папа въезжал в канаву — его первое и последнее приключение за рулем.

— Где сегодня больше всего читают и издают Набокова — на его родине или на Западе?

— В количественном смысле — в России, в качественном — на Западе. Советский Союз подписал конвенцию об авторских правах в 1973 году. И это значит, что авторские права распространяются только на книги, опубликованные после этого года, а все остальное — «свободная охота». В результате в эту «дыру» проскочили десятки миллионов экземпляров без всяких авторских прав. И что гораздо важнее — не было никакого художественного контроля. Папа защитился от плохих переводов только в двух случаях — «Других берегов», которые переписал для русского читателя, и «Лолиты», которую сам перевел. Потом мы с мамой занимались «Пниным» и «Бледным огнем». Это не помешало другим делать свои переводы, в том числе трем разным людям, «Аду»... Постепенно я взял на себя задачу познакомиться с переводчиками и понять, кому можно доверять, кому нельзя, и отдать в надежные руки будущие переводы.

— И над чем же сейчас трудятся переводчики?

— Я только что закончил просмотр перевода Ильиным «Смотрите на арлекинов!» — последнего романа моего отца. Это один из самых удачных переводов на русский язык.

— До сих пор литературоведы спорят по поводу того, был ли Набоков писателем русским или английским.

— Отец в этом отношении уникален. Есть аналогичный случай с поляком Джозефом Конрадом, который, однако, по-польски никогда не писал. Когда наступала война, когда кончалась старая Европа, отец понял: нужно перейти на другой язык, потому что эмиграция, которая его читала, исчезала. Это после 9 романов, множества рассказов и стихотворений, написанных на русском. Английский язык он знал с раннего детства, учился в Кембридже. Но овладеть на английском таким же стилем и способностью выражения, как и на русском, — нелегкое дело. Его последнее произведение на русском языке «Волшебник», написанное в 1939 году, — это в некотором смысле зародыш «Лолиты». А годом раньше он написал «Настоящую жизнь Себастьяна Найта» по-английски...

— Потеря России была для него трагедией?

— Главная трагедия в его жизни — это потеря отца, который был убит в Берлине, защищая Милую. Затем потеря Родины — не в смысле, конечно, самоваров и икон. Он потерял ту Россию, где прошла его молодость. И, конечно, потеря своего языка. Правильнее всех сказал о нем Андрей Битов: Набоков не русский и не американский, это писатель, который вышел и завоевал космос.

— Несколько слов о его увлечениях — он был вратарем, занимался теннисом, не говоря о любимых шахматах...

— С раннего детства и всю жизнь, как бы много он ни занимался сочинительством, как бы ни прятался от меня, шумного мальчишки, в ванной, где работал, си-

64-летний Дмитрий Набоков — единственный сын великого русского писателя, его переводчик, издатель, хранитель семейного очага... Окна его апартаментов в швейцарском городке Монтрё открыты на заснеженные Альпы, подернутые сиреневой пеленой, у подножия которых застыла стальная чаша озера. Сразу над озером возвышаются крыши гостиницы «Монтрё-палас», где Владимир Набоков провел последние 17 лет жизни. Похоронен писатель вместе с женой Верой на местном кладбище.

«Он прятался от меня в ванной и работал, сидя на биде...»

дя на биде, он всегда посвящал время моей матери и мне. Папа меня научил многим видам спорта, который считал важным для формирования характера, — теннису, лыжам, шахматам. Он учил меня и боксу, и я всегда здорово старался его «побить»... Кроме того, я единственный человек в мире, которому Набоков давал уроки русской грамматики... Он учил меня многим вещам — как подходить к жизни, как видеть подробности. Он никогда меня не заставлял писать, но предлагал идеи, темы. И главное, он научил меня чести, гордости и оптимизму — трем качествам, которые помогли пройти ему очень трудные времена.

— Вы даже вместе ловили бабочек, о которых Владимир Владимирович как-то сказал: «Они выбрали меня, а не я их»...

— Он брал меня с собой на прогулки по горам, когда отправлялся на охоту за бабочками. И очень трогательно, что на этикетках разных выставок написано: «Поймано Владимиром и Дмитрием Набоковыми». Когда я стал заниматься горным спортом, то привозил ему с какой-нибудь вершины редкий экземпляр. И сейчас мы готовим том о бабочках в папиных книгах, в его рисунках. Книга будет называться «Бабочки Набокова» и состоять из трех частей: бабочки в литературе, бабочки в научной работе моего отца, которую только теперь начинают принимать всерьез и называть амазонских бабочек именами его героев из книг, а также выдуманные им бабочки, которых он рисовал. Этот труд выпускает «Бикон пресс» в Бостоне. Незвестная ранее глава «Дара» входит в его литературную часть.

— Он хотел, чтобы вы стали писателем?

— Мои родители хотели, чтобы хотя бы одну вещь в жизни я хорошо делал... После того как я закончил в Гарварде занятия литературой и историей, меня приняли на факультет права, но я быстро потерял интерес и начал заниматься музыкой. Мои родители считали, что если я хочу быть певцом, то надо быть певцом первоклассным. Сначала я учился в маленькой консерватории в Гарварде, затем брал частные уроки в Нью-Йорке. Потом переехал в Италию, где закончил свои занятия в Милане, но не был собой доволен на сто процентов, несмотря на то что мне удалось выиграть конкурс в 1960 году в Реджо-Нель-Эмилиа около Пармы, в самом оперном районе Италии. Паваротти победил среди теноров, а я — среди басов. А нашим призом было выступление в «Богеме», где мы пели вместе с Паваротти.

— Почему же не состоялась ваша оперная карьера?

— Уверен, что я сделал в жизни правильный выбор, отказавшись в 1980 году от оперного пения, которое требует слишком много времени. Я счел более полезным заниматься литературным наследством отца. Не думаю, что он без меня стал бы менее великим писателем, но я оказываю какую-то маленькую помощь, слежу за переводами, сам делаю их, когда возможно, на всех языках, которые знаю, стараюсь выбирать правильных издателей. Я стремлюсь честно вести эту маленькую семейную «индустрию». Вот последняя новость. Только что прошел конкурс на новую экранизацию «Камеры обскуры» — старая была не очень удач-

ная. Американский режиссер Грегори Моушер начнет в мае съемки этого фильма. Как вы знаете, доведен до конца новый проект картины «Лолиты» с моим другом режиссером Эдрианом Лайном. Я считаю, что результат первоклассный.

— Лучше, чем знаменитая лента только что скончавшегося Стэнли Кубрика?

— Этот талантливейший человек всегда хотел делать свое собственное кино, и ему трудно было осуществить адаптацию чужого произведения. Его «Лолита» сделана с большим искусством, с изумительными актерами, но она — и мне отец сам говорил об этом — имеет мало отношения к книге. Кубрик попросил папу сочинить сценарий для фильма. Он написал около 400 страниц — они, кстати, скоро будут изданы на разных языках, — из которых нужно было извлечь концентрированную версию. Наконец, эта версия была передана Кубрику. Но он все переписал и очень мало использовал папин материал.

— Существует ли еще неизвестный Набоков?

— Есть одна глава «Дара», найденная в Библиотеке конгресса, куда мои родители в 50-х годах переехали некоторые материалы. У отца был замысел продолжать «Дар» и перейти во второй том разными способами. Но в конце концов он оставил «Дар» таким, как он есть. Поэтому оказалась «сирота» — глава в форме наброска. Первые пять страниц мама, которая была его машинисткой, отпечатала, и остались 45 рукописных листов со многими поправками карандашом, чернилами на двух сторонах прозрачной бумаги, которые местами почти невозможно разобрать. Наконец, мы уговорили академика Долинина, замечательного набоковеда, съездить в Вашингтон и воспользоваться для расшифровки текста самыми совершенными машинами. Это было безумно трудно. Он на 95 процентов расшифровал то, чего лучшие набоковедческие глаза не осилили. Это дало мне возможность работать по ясной рукописи. Найдена и неизвестная дополнительная глава к «Другим берегам». В ней папа занимается шутилкой и жесткой самокритикой — словно какой-то рецензент пишет о его книге.

— Часто утверждают, что Владимир Владимирович был человеком высокомерным, снобом...

— Это искаженное впечатление людей, которые воспитаны в другой культуре. Они воспринимают как снобизм отражение мира, в котором он вырос, его джентльменство. В написанном для мамы стихотворении он сам, иронизируя, называет себя «снобом».

— Не превратилась ли со временем для Набокова Россия в «саркофаг с мумией», который хранил у себя один из его героев?

— Может быть, сейчас его точка зрения на Россию, когда в ней возникает зародыш новой жизни и культуры, изменилась бы... Я поехал в Россию впервые в 1995 году, а потом — в 1998-м, только тогда, когда подумал, что мои родители одобрили бы такую поездку...

— Каковы из книг, посвященных Набокову, вы считаете наиболее интересной?

— Самая лучшая книга — это биография новозеландца Брайана Бойда в двух томах. Первый посвящен русским годам, а второй —

американским. Первый том скоро должен выйти в России...

— Не сказывалось ли набоковское негативное отношение к Советскому Союзу и на его оценках советских писателей? «Доктор Живаго» он назвал романом «болезненным, бездарным, фальшивым», очень критически относился к Солженицыну.

— Это не совсем так. Он очень уважал Солженицына за его страшное прошлое, за его храбрость. Но мой отец не был бы честен перед собой, если бы сказал, что Солженицын — великий писатель. Потому что литературный стиль и талант писателя — это одно, а философская и политическая храбрость — это другое. И Солженицын выдвигал отца на Нобелевскую премию, так что между ними не было никакой враждебности. То же и с Пастернаком. Он очень любил его стихи, написанные в молодые годы. Но нельзя считать «Доктора Живаго» протестом против режима — там даже не упоминается ни первая революция, ни Временное правительство. В книге по-настоящему антисоветского ничего нет, и роман для меня такая скука, что я бросил его после первых страниц.

— Что побуждало Набокова отдавать так много сил переводам русской литературы на английский, включая «Евгения Онегина»?

— Он преподавал Пушкина, а переводов не было. То есть были, но безумно неточные, комические. Поэтому он решил перевести сам для своего курса лекций, не думая ни о рифме, ни о ритме, жертвуя всем, чтобы создать литературный перевод. «Онегину» папа посвятил десять лет — помимо перевода самой поэмы он еще написал три книги комментариев.

— Тяжелая ли ноша быть сыном гения?

— Тяжелая в том смысле, в каком спортсмену надо поднять огромный груз и не свалиться с ним. Я эту тяжесть стараюсь держать над головой как можно лучше...

— Почему после 20 лет жизни в Америке Набоков решил все-таки вернуться в Европу в 1960 году?

— Во-первых, хотелось подышать европейским воздухом и познакомиться с послевоенной Европой. Во-вторых, я принял решение продолжать занятия пением в Милане, и мои родители хотели быть недалеко от меня, а в Монтрё они нашли атмосферу заброшенного, старого мира — в начале века это был модный курорт. «Монтрё-палас» напоминал отцу гостиницы и дома его юности. В маленькой комнатке он устроился уютно и удобно с чудесным видом на озеро и на горы, которые каждый день имеют разное освещение. Он очень ценил красоту природы и всегда меня критиковал, когда я неправильно называл птицу или дерево, считая, что детали — одна из основных ценностей и сокровищ мира. В отеле он писал утром стоя, потом сидя, и потом лежал и потом опять стоя. Выходил всегда к нам, чтобы рассказать что-нибудь забавное. А летом отправлялся ловить бабочек.

— Набокова приглашали в Советский Союз?

— Да, пытались заполучить разными способами. Для советских властей, конечно, с точки зрения пропаганды это было бы большим успехом. Они очень любили «получать» обратно знаменитостей.

— Но у него не было ни малейшего желания съездить на свою Родину?

— Он ездил туда только в стихах. Я был первым из нашей семьи, который побывал в России, и в частности первым, кто съездил в Москву. Мой отец никогда в ней не был — кстати, это опровергает утверждение тех, кто приписывал ему агеевский «Роман с кокаином». Папа писал только о местах, которые знал.

— Случалось ли ему встречаться с советскими писателями?

— После его смерти к нам приезжал Максимов и другие писатели, выехавшие из России. Но при жизни он благородно ограничивал контакты, потому что в СССР за это можно было сесть в тюрьму.

— Где хранятся набоковские рукописи, письма и все то, что называется архивом?

— Набоковские материалы переехали из моего личного архива в Швейцарию, где остались копии, в отдел ценных манускриптов Нью-Йоркской публичной библиотеки.

— Не подумываете ли вы об издании в России академического полного собрания сочинений вашего отца, включая письма?

— Мы как раз это и хотим сделать, и тогда постепенно уйдут в тень все пиратские издания. Это непременно состоится, но нужно потерпеть.

Юрий Коваленко,
«Новые Известия».
Монтрё-Париж.